Ф. С. Капица

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ В ПЕЧАТНОМ «ПРОЛОГЕ»

В Древней Руси существовало множество различных типов литературных сборников. Это хронографы, летописи, палеи, патерики, минеи четьи, прологи, цветники, измарагды, златоструи, златоусты, торжественники, азбуковники и прочие сборники, объединявшие огромное количество отдельных произведений. Они использовались и в богослужебной практике, и как книги для чтения. В них нередко объединялись тексты, относящиеся к разным жанрам, – проповеди, жития, похвалы. Иногда их соединение диктовалось практической надобностью, например дать священнику подборку необходимых текстов о популярном святом. В других случаях тексты использовались для подтверждения единой нравственно-назидательной идеи, которая в проповеди была представлена в отвлеченной форме, а в житии иллюстрировалась конкретными жизненными примерами и ситуациями. Отсюда и возникали обширные компиляции, своды, объединяющие в своем составе произведения разных эпох, разных жанров с разными художественными методами. Д. С. Лихачев назвал такое литературное явление «ансамблевым, анфиладным построением древнерусских памятников» [1].

Примером такого жанрового ансамбля является рукописный Пролог. Хронологические рамки повествования охватывают мировую, в средневековом европейском понимании, цивилизацию, начиная с эпохи эллинизма и Римской империи до русского средневековья. В нем соединились несколько пластов текстов – на переведенную с греческого основу наложились рассказы о русских святых и другие тексты. Повести, сказания, жития, поучения относительно равномерно распределены по всем 366 дням древнерусского года (считая 29 февраля), с 1 сентября по 31 августа.

Основные этапы составления рукописных вариантов Пролога могут быть представлены следующим образом.

Первая, краткая, редакция сборника была переведена с греческого на рубеже XI и XII веков. Ее источником стал Синаксарь – краткое изложение «Менология» Василия II (ок. 985 г.), составленное студийским монахом Ильей Греком и митрополитом Константином Мокисийским. Синаксарь, как и его византийский источник, представлял собой календарный свод житий и памятных статей с приложенными к ним тропарями, посвященными памяти святых. Далеко не все из них вошли в русский вариант Пролога. По названию предисловия к Синаксарю – «Прологос» – сборник получил древнерусское название Пролог.

Точное место и время перевода не известно, однако анализ лексики показывает, что над переводом работали русские переводчики. М. Сперанский считал, что перевод был выполнен в одном из афонских монастырей, где жили русские монахи[2]. Позже В. Мошин пришел к выводу, что Пролог был переведен на Руси. Список святых и подбор тропарей показывает, что скорее всего перевод был сделан для Киево-Печерского монастыря, в котором применялся студийский устав, предписывавший чтение Синаксаря во время служб[3].

Начиная с XIII века первая редакция Пролога стала меняться: к рассказам о святых были добавлены поучения по разным поводам и статьи были распределены по дням года в соответствии со Святцами. Эта редакция получила название первой видоизмененной. В середине XIII в. с греческого была переведена вторая, распространенная, редакция Пролога, отличавшаяся по составу и величине статей от первой редакции, в том числе и от видоизмененной первой.

Она почти вдвое превышает первую по объему. Весь текст переработан: многие тексты исключены или перенесены на другое число, введены имена новых святых. Включен ряд статей апокрифического характера (жития Константина и Елены, Мелхиседека, ап. Нафанаила и др.). Многие статьи (о Борисе и Глебе, Феодосии Печерском, Ольге, Владимире, Антонии и Исаакии Печерских, Леонтии Ростовском, сказания о постройке церкви св. Георгия, о пришествии апостола Андрея на Русь, о перенесении мощей Николая Мирликийского, а также краткие жития славянских святых – Константина (Кирилла) и Мефодия, Людмилы и Вячеслава Чешских) заменены на более удачные, чем в 1-й редакции. Кроме того, в текст добавлено много назидательных статей. Это рассказы из патериков, фрагменты из «Повести о Варлааме и Иоасафе»,

притчи, поучения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина. Считается, что она была сделана в Турове в конце XII в. при участии Кирилла Туровского, поскольку в ее ранних списках сохранилось его единственное известное житие.

Наконец, в XIV в. был переведен с греческого так называемый «стишной Пролог», в котором каждой статье были предпосланы назидательные стихотворные вступления. Отметим, что он отличался по составу от первых двух редакций. Стишной Пролог был введен в обращение на Руси митрополитом Киприаном, пропагандировавшим иерусалимский устав. Впоследствии его текст дополнялся различными статьями из 1-й и 2-й редакций и наконец вошел в Великие Минеи Четьи.

Примерно к концу XV века состав рукописных Прологов в основном стабилизируется. Определяется примерный объем памятника и его состав из двух книг. Понятно, что к этому времени в Прологе соединились разновременные тексты, поэтому в них нет стилевого единства. Все тексты правились по единому образцу, хотя и не всегда имели признаки одного жанра. В одних (рассказы о Борисе и Глебе и Александре Невском) преобладает влияние агиографической традиции, другие (статья о крещении Руси) ближе к летописному тексту, в третьих (рассказы о чудесах) заметно влияние устной нарративной прозы. Поэтому рукописный Пролог не представляет собой единого текста. Даже близкие по жанровым особенностям произведения могли существенно различаться.

О высокой литературной ценности рассказов, входящих в состав Пролога, филологи стали писать с середины XIX века. В. М. Ундольский, впервые охарактеризовавший содержание памятника, специально отметил, что Пролог – это «книга, всего чаще употребляемая во всем греко-русском христианском мире и всего менее исследованная нашими учеными, между тем содержащая множество истинных драгоценностей»[4].

Литературные достоинства материалов Пролога отмечал и Ф. И. Буслаев: «Влияние Прологов на нашу литературу, доселе еще не объясненное, было чрезвычайно значительно. Прологи были для наших предков настольною книгою, по которой, как по сборнику, в извлечениях, они знакомились почти со всеми важнейшими произведениями древнехристианской литературы, перешедшими к нам из Византии... Наши древние писатели, собираясь что-нибудь сочинять, естественно находились под влиянием Прологов, потому что читали их ежедневно, располагая свое чтение по дням и ме-

сяцам Пролога». Затем Буслаев перечислил важнейшие византийские сочинения, переводы которых были включены в Пролог[5].

А. Н. Пыпин впервые проследил историю возникновения памятника, выделив две группы произведений, вошедших в текст Пролога на Руси, – рассказы о наиболее почитаемых святых, имеющие значительную литературную традицию, и статьи о местночтимых святых. Он же впервые указал на имеющиеся различия между ними, отметив, что «если первые представляют краткие версии ранее известных агиографических текстов, то вторые тяготеют не к литературной, а к фольклорной традиции»[6].

Выделение печатного Пролога XVII в. как особого объекта исследования обусловлено и его составом, и особенностями формы, и историей его создания. Первым обратил внимание на фольклорные источники печатного Пролога Н. И. Петров. Он сопоставил с Прологом апокрифические, патериковые и прочие византийские и западноевропейские агиографические сочинения, показав, что круг источников, которыми пользовались составители памятника, отличается от рукописных редакций. Петров впервые указал на то, что для печатного издания Пролога была специально переведена большая группа произведений. В их числе «Житие Николая Мирликийского» и цикл из 15 повестей, в которых рассказывается о различных чудесах святого. К нему примыкает «Повесть об Алексии человеке Божием» и ряд сочинений Ефрема Сирина, восходящих к фольклорным первоисточникам, в частности «Рассказ о соблазнившемся монахе». Всего Петров называет 17 сказаний, для которых прослеживается источник греческого происхождения[7]. Петров отметил и изменение содержания Пролога от издания к изданию, показав, что наиболее полными были старопечатные публикации 1642 и 1659 годов. О русских переделках греческого материала в изданиях Пролога 1642 и 1643 гг. подробно писал и архим. Сергий[8]. Он впервые заметил, что от издания к изданию состав печатного Пролога менялся. По количеству и объему текстов («полнотой и пространностью») печатный Пролог превосходит рукописные. В сущности, он явился не новой редакцией, а совершенно новым типом памятника, что и позволяет рассматривать его как самостоятельный объект изучения.

Чтобы четко обозначить объект нашего исследования, остановимся на истории печатного Пролога. И. Мансветов показал, что подготовку первых изданий Пролога осуществляли справщики Московского печатного двора Савватий Тейша, Иван Селезнев, Шестачко Мартемьянов, Михаил Рогов, Иван Наседка, Иоаким

Александро-Невский [9]. Именно их в первую очередь следует считать составителями этой уникальной антологии текстов.

Рукописными источниками первого издания Пролога послужили древние пергаменные списки, о чем свидетельствует грамота, посланная в Кирилло-Белозерский монастырь 11 марта 1640 г.: «для справки и свидетелства взять прологов и миней четьих добрых старых харатейных книг, которые отослать в Москву» [10]. Использовались также харатейные списки Пролога из новгородских Юрьева и Ковалева монастырей. Привлекались и рукописные синодики, которые велись в каждом крупном монастыре, а также тексты минейных житий [11]. Кроме письменных источников, проводили сбор устных материалов. По монастырям была разослана особая царская грамота, предписывавшая фиксировать рассказы о святых и чудесах от икон, а затем прислать их в Москву: «отвсюду русския земли повеле он государь царь [Михаил Федорович. – *Ф. К.*] собрати и принести в штанбу же печатного дела и в книги сии вчинити» [12].

Видимо, на подготовительном этапе было собрано так много материала, что на Печатном дворе его использовали для подготовки нескольких изданий. О подобной работе говорится в послесловии к сборнику «Трефологион» (Минее праздничной), выпущенному в Москве в 1637 и 1638 годах. Работа над ним велась параллельно с Прологом, но в него вошли исключительно материалы о русских святых. А. С. Зернова показала, что данная книга должна была стать дополнением к печатному Прологу.

Работа над текстом не прекращалась на протяжении всего XVII века. Первое издание вышло в 1641 г., но тогда напечатали только первую половину Пролога (сентябрь–февраль). Второе, полное, издание выходило в 1642–1643 гг. Третье издание появилось в 1659–1660 гг. Четвертое – в 1661–1662 гг. Пятое в 1675– 1677 гг. Оно является наиболее полным по отношению и к предыдущим и к последующим. Шестое вышло в 1685 г. Седьмое – в 1689 г. Восьмое – в 1696 г. Переиздавали Пролог в 1702 и 1718 годах. Затем Пролог начинают издавать в русском шрифте, и его текст перестает меняться.

Таким образом, в Прологе соединилось несколько пластов исходных материалов – на агиографическую основу наложились сюжеты, пришедшие из русской литературы и фольклора. Наиболее отчетливо взаимодействие литературной и фольклорной традиций видно на примере анализа рассказов о святых, которые составляют основную часть Пролога.

В печатном Прологе содержится не менее трехсот повестей и рассказов, для которых можно однозначно указать фольклорные первоисточники. Они достаточно отчетливо отличаются от других материалов, вошедших в Пролог, и отражают следующие уровни взаимодействия литературы и фольклора:

на уровне события (взаимодействие сюжетов, точнее – фабул);

на уровне стиля (взаимодействие средств выражения);

вкрапления (взаимопроникновение текстов).

Составители Пролога активно использовали следующие группы фольклорных жанров:

несказочную прозу, в которой, по сравнению с другими жанрами фольклора, информационная функция преобладает над художественной (на первом плане событие);

сказки, где слово впервые открыто наделяется не утилитарно-информационной, а художественной функцией;

паремиологические жанры, отличающиеся наибольшей словесной характерностью и устойчивостью, а также сказочные формулы.

Что касается вкраплений, то их можно представить в виде следующего перечня:

1. Цитата, вводимая как на фабульном, так и на внефабульном уровне.

2. Аллюзия – намек на активно бытующие фольклорные жанры – пословицу, поговорку.

3. Реминисценция, вызывающая в памяти читателя знакомую конструкцию из другого художественного произведения.

4. Перифраз – произведение прямо противоположного содержания на известной основе.

Теперь обратимся к примерам.

В рассказе «О судьбах божиих» (21 ноября) ангел совершает три поступка, удивляющих его спутника и кажущихся ему несправедливыми и жестокими: он бросает в море серебряное блюдо первого приютившего их хозяина, убивает младшего сына у второго хозяина и разрушает дом у третьего. На вопрос о причинах своих действий он отвечает, что блюдо нажито нечестным путем, юноша, которого убил ангел, должен был сделаться разбойником, а в стене дома было спрятано золото, которое соблазняло многих. Варианты этого сюжета представлены в русском, украинском и белорусском фольклоре [СУС: 795, 796] [13].

Не менее популярен в Прологе сюжет о поручительстве святого. Купец Федор берет три раза в долг деньги у своего друга еврея

Авраама. Чтобы отдать долг, он кладет деньги в сундук и отправляет их в море, поручив защите Николая чудотворца. Деньги чудесным образом приплывают и попадают прямо в руки заимодавцу [СУС: 849]. Уезжая в дальний путь, хозяин поручает охрану своей жены Пресвятой Богородице. По воле Богородицы слуга, собиравшийся убить госпожу и ребенка, порученных хозяином ее защите, не может двинуться с места [СУС: 710].

В качестве основы сюжета подобных рассказов часто используются фантастические мотивы и целые сюжеты, представленные как в Библии, так и в фольклоре. Например, рассказ о том, что, несмотря на попутный ветер, корабль не двигается по морю, представлен и в былине о Садко, и в библейском рассказе о пророке Ионе (буря, поднявшаяся потому, что на борту корабля находится грешник). В Прологе тот же мотив остановившегося корабля представлен в рассказе о женщине, убившей своих детей ради того, чтобы выйти замуж за полюбившегося ей человека (19 марта), а также в рассказе о святом Николае как поручителе (6 декабря). Совершив убийство, женщина должна была бежать, спасаясь от правосудия, но на море поднялась буря, и корабль не повез грешницу [СУС: 973].

Примечательно, что в проложных вариантах сохранена фольклорная концовка – виновника бросают в море, после чего буря утихает и корабль продолжает движение, но судьба брошенных в море людей различна: Иону, как известно, проглотил кит и через три дня выбросил на землю; женщину «спускают на малый кораблец», т. е. пересаживают в лодку, Садко становится на доску. И женщина, и Садко идут ко дну. Женщина-грешница погибает, а Садко попадает в гости к морскому царю [СУС: 677]. Проложная история о чудесно найденном в рыбе драгоценном камне представлена и в антологии сказок «Тысяча и одна ночь».

В Прологе мы неоднократно встречаемся с героями-змееборцами. В статье о Михаиле-воине (22 ноября) говорится, что после победы над агарянами и ефиоплянами герой, возвращаясь в Рим, останавливается у озера. На берегу Михаил видит девушку, оставленную на съедение трехголовому змею, который живет в этом озере. Михаил убивает змея и спасает девушку.

Иногда сказочные мотивы вводятся в статьи о святых. Например, в рассказ об отшельнике Марке Фраческом (5 апреля) включен мотив о скатерти-самобранке [СУС: 563]: желая угостить пришедшего к нему инока, Марк, подойдя к вертепу (пещере), где он жил один, «гласом оти возопи: предложи, чадо, трапезу!». Вошедшие видят «трапезу и два стола стояща, и хлеб, и овощие, и две рыбы испече-

ны, и финики, паки святый рече: возми, чадо, и ядущи» (л. 149 об.). Отметим, что в минейном житии данный мотив отсутствует, и пища появляется на столе после молитвы святого отшельника.

Еще один мотив, часто используемый в Прологе, – животные – помощники героев [СУС: 160]. Подобные мотивы введены в многочисленные рассказы о пустынниках и святых. Животные ищут у пустынников помощи, как львы у старца Герасима или у отшельника Анина, а затем исполняют их поручения. Отшельник Анин (13 марта) вылечивает льву больную лапу, после чего зверь становится его усердным слугой, которого Анин посылает с письмом (хартией) к столпнику, узнав, что тот «хощет снити со столпа и труд свой погубити». Лев приносит письмо, «на столп вскочив, поверже пред ним хартию. И тако утвердиша не лезти со столпа до конца».

Отметим еще один вариант данного мотива, в котором провинившееся животное становится слугой святого. В рассказе о старце Герасиме лев, задравший осла, по воле старца послушно носит воду в монастырь. Но в большем количестве статей представлен русский вариант данного сюжета, в котором действующим лицом является медведь.

В рассказе о монахе Коприи, подкидыше, воспитанном в монастыре и вскормленном козьим молоком (24 сентября), повествует о том, как Коприй, обнаружив на монастырском огороде медведя, взял его за ухо и вывел из огорода. Когда же этот медведь поранил осла, который должен был возить в монастырь дрова и воду, Коприй положил дрова на медведя, сказав: «Не имам тебе пощадити ты бо имаши творити ослову работу, донеже оздравеет, и повиновася ему медведь и влачаше дрова и воду, донеже здрав бысть осел, и тако медведя прости». Этот сюжет распространен в фольклоре всех восточнославянских народов [СУС: 160].

Работая на монастырской кухне, Коприй совершает и другие чудеса. Когда под рукой не оказалось ложки, он голой рукой снял пену с кипящего котла и размешал варево и «невредим пребысть». Тот же мотив включен в рассказ о Павле-повиннике (7 декабря).

Испытание героя с помощью погружения в горячую или кипящую воду представлено и в фольклоре [СУС: 531]. Вспомним вариант сюжета о богатыре, где герой прыгает в кипящий котел и выходит из него не только невредимым, но и красавцем. Такими же невредимыми выходят из кипящих котлов и раскаленных печей в рассказах Пролога мученики, брошенные туда жестокими мучителями. Видимо, использование данного мотива в Прологе связано с тем, что он присутствует в Библии (в рассказе о трех отроках, бро-

шенных по приказу царя Навуходоносора в «пещь, огнем горящую», и оставшихся невредимыми) и широко представлен в агиографической и легендарной прозе.

В Прологе данный мотив получает и традиционную, и несколько иную трактовку. Чтобы согреться во время зимних холодов, Иоанн Устюжский влез прямо в печь, лег на горящие уголья и остался невредимым. Здесь испытание огнем является не показателем стойкости, а свидетельством чудесного качества, которым обладает персонаж, и, следовательно, доказательством его святости.

Аналогично использован мотив чудесного умения в рассказе о Ниле Столобенском. По молитве святого гаснет горящий лес, подожженный, чтобы заставить святого покинуть свое жилище. В качестве доказательства святости могут использоваться и другие мотивы. Например, когда рыбаки приносят к Нилу Столобенскому пойманную в озере рыбу, но оставляют себе крупную рыбу, то святой спрашивает: «Почему вы принесли мне детей без матери?», а затем выпускает всех рыб обратно в озеро. Когда «некий человек» рубит на берегу несколько деревьев, то его лошадь не может сдвинуться с места. Он ищет помощи у святого, по молитве которого все деревья встают и расходятся по своим местам.

Близость проложных легенд к народному творчеству привела к тому, что народные певцы – калики перехожие охотно перелагали их в духовные стихи. Среди духовных стихов, собранных и опубликованных П. Бессоновым, многие тексты близки по своей тематике к проложным рассказам. Таковы, например, стихи об Алексие человеке Божием, композиция которых точно следует за проложным рассказом [14].

Так же точно следует за проложным рассказом во всех его подробностях стих о чуде Николая Мирликийского – в нем рассказывается о чудесном возвращении домой Агрикова сына Василия.

В нескольких стихах с различными подробностями излагается история царевича Иоасафа Индийского. Однако значительно большее количество стихов, также восходящих к этой легенде, посвящено беседе царевича с «матерью пустыней», где он убеждает пустыню принять его к себе. Показателен и напечатанный Бессоновым стих № 60, где в рассказ о царевиче Иоасафе вводится мотив из проложной легенды, связанной с именем другого отшельника.

В статье от 9 марта рассказывается, как Пафнутию-отшельнику, спасавшемуся в пустыне, было предложено поучиться добродетели у простого крестьянина. По указанию ангела он идет из пустыни к

крестьянину-труженику и лично убеждается в его высокой нравственности и подвижнической жизни [СУС: 796].

С рассказом об Иоанне Новгородском, исторически реальном лице, связан сюжет фантастический, сказочный — чудесное перенесение за одну ночь в Иерусалим на бесе и возвращение в Новгород[15]. Сюжет о заклятом бесе [СУС: 839] широко используется в мировой агиографической литературе. Обычно победа над бесом (или дьяволом) входит в число ряда искушений, через которые проходит святой. Дьявол (черт, бес) пытается помешать ему молиться, отвлекает от благочестивых размышлений, принимает образы различных животных, а иногда и соблазнительной красавицы. Но все козни неизменно разбиваются святым, и дьявол терпит поражение. При этом западноевропейский святой никогда не использует побежденного дьявола в своих целях, а просто изгоняет его из своего мира. Данное окончание сюжета связано с представлениями средневековой демонологии, согласно которым любое соглашение с дьяволом означает договор с ним, а это — смертный грех. Совершенно иное представление о дьяволе в православной традиции привело и к появлению иных версий данного сюжета. Отметим, что в православных житиях, как правило, действует не сам дьявол, а его «представители» в виде чертей или бесов.

В печатном виде «Житие Иоанна Новгородского» впервые появилось во втором издании Пролога. Оно только отчасти совпадает с первоначальной редакцией Жития в рукописном Прологе начала XVI в. «Житие Иоанна Новгородского» построено по типу биографии-некролога: сообщается ряд фактов от рождения героя до его смерти, даются краткие биографические, генеалогические, характерологические сведения. Сказочный мотив заклятого беса в нем отсутствует. Практически рассказ, содержащийся в рукописном Прологе, в печатном выполняет лишь функцию экспозиции, предварительной характеристики святого.

Биографические сведения дополнены фольклорным материалом, и основную часть рассказа составляет сюжет о встрече святого с бесом. Таким образом, из краткой заметки о святом проложная статья преобразуется в остросюжетный занимательный рассказ. Введение фольклорного мотива отражает тенденцию печатного Пролога к беллетризации, к обогащению его материалом, сюжетами, основанными на вымысле. Легендарный сказочно-фантастический мотив путешествия человека на бесе, по-видимому, оказался настолько привлекателен для составителей печатного Пролога, что не только был включен в проложный рассказ, но и

занял в нем главное место. Таким образом, необычность, занимательность сами по себе играли важную роль в Прологе.

Л. А. Дмитриев отмечает, что источником, из которого этот мотив появился в печатном Прологе, является основная редакция «Жития Иоанна Новгородского», которая была создана в 70-е годы XV в. Но в печатный Пролог был взят не весь сюжет Жития Иоанна, а только один сказочный мотив, также занимающий в основной редакции Жития центральное место и носящий заглавие «Слово 2-е о том же о великом святителе Иоанне, архиепископе великого Новаграда, како был в единой нощи из Новаграда в Иеросалим град перенесен бесом и пакы возвратися в великий Новъград тое же нощи».

Входящие в Житие две другие легенды – «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» и «Сказание о гробнице Иоанна Новгородского» отсутствуют в тексте печатного Пролога. Видимо, во время издания Пролога идеи, заложенные в этих легендах, утратили свое политическое значение и публицистическую остроту. Эпизод путешествия Иоанна на бесе, построенный на основе популярного сюжета о побежденном бесе, наверняка мог заинтересовать читателей Пролога своей остросюжетной стороной. По всем названным причинам он и был введен в печатный Пролог.

Содержание «Жития Иоанна Новгородского» в печатном Прологе составляет рассказ об одном необыкновенном событии из жизни святого – встрече его с бесом. Рассказ начинается сразу после экспозиции без всякой связи с предшествующей жизнью Иоанна и состоит из трех эпизодов: 1) путешествие на бесе в Иерусалим; 2) месть беса святому и компрометация Иоанна: 3) изгнание из города, чудо на реке и последовавшая затем его реабилитация. Следовательно, проложное «Житие Иоанна Новгородского» повторяет композицию центральной части Жития Иоанна, т. е. «Слова 2-го», куда рассказ о чуде на реке вошел как внесюжетный элемент. В печатном Прологе все наоборот – занимательный эпизод состязания Иоанна с бесом становится основой сюжета, а остальная часть Жития выполняет функцию обрамления.

В проложном варианте рассказа есть отличия и в способе изложения сюжета. Повествование проложного текста объективировано. В нем нет авторского зачина с характеристикой сочинения и своеобразной интерпретацией его: во вступлении к «Слову» автор кратко замечает, что и святому подчас выпадает испытание и если он сумеет выдержать его, то еще больше прославится и просияет, как отполированное золото.

В развертывании самого мотива победы над заклятым бесом проложный вариант рассказа построен по иному принципу, чем эпизод из Жития. В последнем сюжет путешествия Иоанна на бесе осознается как художественный, и все его детали и подробности выполняют изобразительно-художественную функцию. В рассказе об Иоанне Новгородском в печатном Прологе установки на изобразительность нет, в соответствии с задачами сборника сюжет изложен достаточно сжато.

Прежде всего, заметно уменьшена роль диалога. В Житии завязка действия построена в диалогической форме. Иоанн и бес по очереди произносят пространные речи, в которых святой порицает, а бес умоляет святого выпустить его из сосуда. В результате этого словопрения бес соглашается стать слугой Иоанна. В проложном рассказе никаких диалогов нет, прямая речь героев переводится в косвенную, которая сохраняет только роль связки эпизодов одного развивающегося события, но не используется для характеристики персонажей и создания драматической ситуации. Иоанн накладывает на беса крест и тем самым вынуждает его подчиниться.

С этой же целью в житийный вариант введена яркая художественная деталь: перед тем как отправиться в путь, бес принимает облик коня. Отметим, что само превращение происходит быстро и как бы перед глазами читателей. В Прологе данный мотив отсутствует, и бес от начала до конца пребывает только в своем настоящем, то есть бесовском, обличье, как и в фольклорных вариантах данного сюжета.

Решение новгородцев изгнать Иоанна, переданное в Житии прямой речью, в Прологе оформлено в виде краткой заметки: «молвящым же всем и зело ропщущим, яко святитель, рече, деву в келий держит». Если в Житии новгородцы, убедившись в невиновности Иоанна, обращаются к нему три раза с речами, умоляя святого простить их и вернуться на свой престол, то проложный рассказ ограничивается только одной попыткой. Таким образом, составители Пролога уделяют гораздо меньше внимания речам как статическим элементам повествования, сосредоточиваясь на динамичном изложении событий. Особенно наглядно эта тенденция проявляется в последней части рассказа, посвященной плаванию Иоанна на плоту и его возвращению в Новгород.

Вот как об этом написано в Прологе: «...пойде плотъ по Волхову реце со святым в верх, противу неизреченных быстрин. Людие же новгородстии видевше преславное то чудо, абие пременишася от злобы еже к святому, разумеша бо яко от врага на него то бысть ис-

кушение. Начаша со слезами молити святаго и прошения от него прошаху. Отдаждь, рекоша, отчи, еже по неведению сотворихом и возвратися на свой престол. Сия глаголаху, идуще по брегу противу святаго, и едва умолиша святаго. Блаженный же Иоанн, послушав их моления, приста на плоте у монастыря, нарицаемого Юрьев. И тако святый возвратися на свой престол с великою честию и славою».

В Житии плавание Иоанна описано как специально замедленный процесс: святой «плыл тихо, благоговейно и торжественно, яко некоторою божественною силою носим»; затем, вняв мольбам новгородцев, Иоанн, словно по воздуху несомый, приплыл к берегу и, поднявшись с плота, сошел на землю. Определения, с помощью которых описывается плавание святого, были призваны передать со всей очевидностью мысль автора о невиновности Иоанна Новгородского. Еще более сильному выражению идеи автора служила картина суеты и смятения, когда новгородцы испугались, что понапрасну возвели клевету на святого. Участники события охвачены волнением, находятся все время в непрерывном движении: в раскаянии рвут на себе одежды, спешат в Софийский собор за священнослужителями; взяв крест и икону, идут вдоль берега Волхова вслед за Иоанном, умоляют его, кланяются ему до земли, проливают слезы, по случаю возвращения святого в монастырь звонят в колокола и т. д.

Очевидно, что в Житии действие продолжается достаточно долго и проходит больше ступеней развития, чем в проложном варианте, чтобы вызвать художественный эффект: представить действующих лиц более рельефно, связать их поступки причинно-логическим образом и в результате произвести наибольшее впечатление на читателя.

Итак, сравнение «Жития Иоанна Новгородского» с его проложным вариантом еще раз убеждает в том, что в передаче сюжета составители Пролога прежде всего стремятся к информативности, а не к изобразительности.

Но в проложной трактовке фольклорного сюжета о путешествии на бесе есть, пожалуй, еще один не менее существенный момент. Дело в том, что в Житии этот сюжет трактуется как рассказ об испытании святого на крепость его веры и праведность его жизни, о чем автор Жития предупреждает во вступлении, отметив, что «многажды же бывает со искушением над святыми попущением божиим». В проложном тексте динамичность развития действия отводит на второй план учительно-характерологическую

функцию: из сложной, богатой перипетиями борьбы с бесом Иоанн выходит победителем благодаря своей находчивости, а не только благочестивой жизни.

Таким образом, обычное для средневековой литературы явление, когда занимательность уравновешивалось дидактическим смыслом сюжета, проложным текстам практически не свойственно. Именно с этой тенденцией литературного развития связано обращение печатного Пролога к фольклорному материалу. Однако составителей Пролога прежде всего интересуют те фольклорные сюжеты, которые могут быть поставлены на службу агиографии.

Фольклорная фантастика, выступающая лишь как прием, а не как средство создания интересного сюжета, составителями Пролога последовательно отклоняется. Наглядный пример того – проложный вариант Жития Петра и Февронии Муромских. Он никак не соотносится с поэтической, обладающей большими художественными достоинствами «Повестью о Петре и Февронии Муромских» [16].

В основе сюжета повести лежат два фольклорных сюжета – борьба со змеем и отгадывание загадок мудрой девой [17]. Героя первого мотива – муромского князя Петра и героиню второго мотива – крестьянскую девушку Февронию объединяет любовь. Повесть рассказывает о зарождении их чувства и об их счастливой, согласной жизни. В ней выражен народно-поэтический взгляд на поведение героев: храбрый князь Петр вступает в единоборство со змеем, а Феврония, мудрая, трудолюбивая, скромная, представляет собой идеальную супругу.

Подобная окрашенность повествования не соответствовала задачам Пролога. Поэтому «Повесть о Петре и Февронии», известная с XV в. и распространявшаяся в огромном количестве списков, не получила в нем отражения. На ее основе составители сборника создали особый вариант рассказа о жизни святых, более документальный, лишенный фольклорных мотивов и чудес.

Вместо бесстрашного князя и мудрой девы, «предивной княгини», в проложном тексте изображены два благочестивых, праведных, милостивых, кротких святых лика. Подчеркивается, что они ведут происхождение свое от «благочестива и свята корене». Рассказ об истории любви Петра и Февронии, силе их чувства, не угасшем даже со смертью героев, в Прологе заменен рядом кратких сообщений, в которых перечисляются их качества как подвижников: «любяста целомудрие и чистоту», «обидимыя изимаста из рук обидящих», «милостыню подаваста», «посту и воздержанию

прилежаста». Вместо цветистого стиля в соответствии с житийной традицией, в Прологе представлен набор агиографических штампов, из которых составлены условные фигуры князей-святых, живших и умерших в благочестии.

Многие проложные тексты, в том числе и те, которые были рассмотрены выше, перепечатывались в изданиях Пролога XVII в. в том виде, какой они получили при первой их публикации. При переиздании в них вносились лишь незначительные стилистические изменения в целях подновления и упрощения языка.

Таким образом, очевидно, что способ сжатого изложения был определяющим принципом организации повествовательного материала Пролога. Лишь в отдельных случаях редакторы Пролога отступали от него по причинам политико-идеологического характера.

Сравнительный анализ отдельных житий с их вариантами в печатном Прологе обнаруживает не только конкретные отличия в освещении ими одних и тех же лиц и событий, но и некоторые общие идейно-художественные особенности, присущие житию проложного типа. Они относятся к поэтике малой формы с ограниченным кругом изобразительных средств.

Рассказ в Прологе ведется как подчеркнуто нейтральное, объективированное, отстраненное повествование. В нем отсутствует авторское вступление, в котором автор обычно представляет себя и свой труд читателям, – композиционно важный элемент, обязательный для самостоятельных житий. Можно сказать, что роль рассказчика с его индивидуально-авторской точкой зрения на изображаемые события из печатного Пролога устранена. Повествовательное время Пролога ускорено, действия, в которых принимают участие герои, не показываются в длительном развитии, читатель о них лишь информируется.

Проложный рассказ построен однолинейно: в нем соблюдается единство точки зрения на происходящее. Внутренний мир человека, его мысли, чувства не учитываются, поэтому в Прологе отсутствует психологическая мотивированность действий: как правило, ничего не говорится о причинах поступков персонажа или о зарождении замысла совершить тот или иной поступок. Мало внимания уделяется описаниям внешнего облика героев, окружающей обстановке, конкретным деталям и подробностям.

Большинство проложных рассказов имеет трехчастную композицию. Первый ее элемент – краткая экспозиция, в которой сообщается предыстория персонажа. В следующей за ней основной

повествовательно-событийной части показано поведение героя во время совершения подвига. Конечная точка рассказа – эпилог, в котором говорится о смерти героя, о том, когда он скончался, где похоронен, иногда упоминается о чудесах, происходящих над его телом. Первый и третий элементы этой структуры отмечают начало и конец жизненного пути персонажа, обрамляют рассказ о некоторых эпизодах, связанных с ним, благодаря чему создается иллюзия цельности и непрерывности его жизни.

В проложном тексте нет полного и последовательного описания судьбы человека от рождения до смерти, для статей отбираются отдельные события из жизни героя, которые можно рассматривать как примеры его добродетелей и заслуг. Эпизоды центральной части рассказа, выполняя сюжетно-характерологическую роль, призваны проявить несколько сторон нравственного облика героя. На первом месте обязательная черта любого агиографического персонажа – праведность, затем, в зависимости от того, чем прославился герой и что он совершил, выделяются еще одна или две черты, как, например, хитрость и нравственная чистота у Иоанна Новгородского или сознание своей правоты у Коприя, мученическая стойкость и безропотность у Петра и Февронии.

Поскольку сюжет используется в проложном рассказе не с собственно художественной целью, а только как средство характеристики персонажа, то его роль иная, чем в самостоятельном житии. Прежде всего, отметим, что проложное изложение обнаруживает разную степень разработанности сюжета. Об элементах сюжета свидетельствует наличие завязки и развязки события, однако действие не проходит стадий развития, и потому сюжет почти совпадает с фабулой. Отметим, что данное качество, прежде всего, относится к тем текстам Пролога, которые имеют длительную литературную историю. В проложных вариантах житий Феодосия Печерского и Александра Невского сюжет представляет собой лишь цепь ситуативных характеристик героев на разных этапах жизни. Некоторые тексты, в частности Житие Петра и Февронии Муромских, представляют собой полностью бессюжетный рассказ, состоящий из перечня благочестивых дел и поступков. Таким образом, в проложном изложении отчетливо проявляется тенденция к фабульности, а не к сюжетности. В Прологе происходит как бы свертывание сюжета, возвращение и приближение его к фабульному состоянию [18], когда содержательно-смысловые связи доминируют над литературными художественно-изобразительными приемами оформления повествовательного материала.

В этом отношении проложные жития имеют типологическое сходство с такими жанрами средневековой литературы, как программы к пьесам и предисловия к книгам. Столь разные жанры сближает заложенная в них информативно-дидактическая функция: установить контакт с читателем, ознакомить его с идеей и основным содержанием произведения, направить читательское восприятие в необходимое русло. Их объединяет и поэтика малой формы со всеми присущими ей особенностями: вниманием к событийному ряду, уменьшением прямой речи и диалога, драматизации, отсутствием развернутых сцен, повторяющихся ситуаций, деталей, подробностей.

Функционирование названных жанров связано с характерным для средневековой литературы явлением, когда один и тот же сюжет переходит из одного произведения в другое: в зависимости от идейно-художественных задач он облекается то в форму развернутого повествования, то передается в краткой форме. Проложное житие соотносится с пространным, программа сопутствует пьесе и образует с ней драматургический комплекс, предисловие интерпретирует содержание книги (классическим примером могут служить предисловия Франциска Скорины к изданиям Библейских книг). Таким образом, в древнерусской литературе наблюдается существование параллельных жанров, основывающихся на одном сюжете. Литература малых форм как бы сопутствует литературе больших форм, и поэтому ее задача сводится к воспроизведению не сюжетных, а только фабульных элементов повествования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1970. С. 50.

[2] *Сперанский М. Н.* Сентябрьская книга четья домакарьевского состава // СОРЯС. Т. 64. СПб., 1899. № 4. С. 8.

[3] *Mosin V.* Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskogo u svetlosti visantijsko-slavenkih odnosa XII–XIII vekov // Sborn. Histor. Inst. Zagreb. 1959. V. 26. C.17–20.

[4] *Ундольский В. М.* Библиографические разыскания по случаю выхода описания Библиотеки имп. Московского общества истории и древностей российских, составл. П. М. Строевым... // Москвитянин. 1846. Т. 12. С. 206.

[5] *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861. С. 126–127, 222–223. См.: *Овчинникова Е. С.* Вновь открытый памятник станковой живописи...

[6] *Пыпин А. Н.* История русской литературы. Т. 1. М., 1907. С. 90–91.

[7] *Петров Н. И.* О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Киев, 1875. С. 106–107.

[8] *Сергий (Спасский), архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. М., 1875. С. 287 (О русских и славянских материалах в составе Пролога).

[9] *Мансветов И.* Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 25.

[10] Потребник мирской. М., 1639. Послесловие, л. 2.

[11] *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI– XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 50.

[12] Трефологион. М., 1638. Л. 726 об.

[13] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (далее – СУС).

[14] Калики перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. С. 29–30.

[15] День памяти Иоанна Новгородского 7 сентября (см.: Пролог. М., 1642. Л. 28 об., 30 об.).

[16] День памяти Петра и Февронии Муромских 25 июня (см.: Пролог. М., 1643. Л. 568 об., 569 об.).

[17] *Дмитриева Р. П.* О структуре Повести о Петре и Февронии // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 247–270.

[18] Мы пользуемся терминами 'сюжет' и 'фабула' в понимании Б. Томашевского. См.: *Томашевский Б. В.* Теория литературы (Поэтика). Л., 1925.